Середина декабря. День тёплый, солнечный, совсем не похожий на зиму. Ощущение, такое как будто завтра наступит весна. Солнце яркое и слепящее от искристого снега. Поневоле приходится прищуривать глаза. Все рады такому чудесному дню: стайка щебечущих воробьёв рассевшихся напротив меня на кустарнике, непрестанно спорящих между собой.

Компания малышей чем-то напоминающих этих воробушков кувыркающаяся в снегу. Смешных и забавных, толкающихся и задорно смеющихся, купающихся в радости чудесного зимнего счастья.

Родителей, смотрящих на своих чад с особой любовью и восхищением. Все радовались такому поистине волшебному дню.

Все, кроме меня, сидящего на скамейке перед домом из которого (сколько помню себя в детстве и юношестве) ходил в школу, уходил гулять с друзьями, на тренировки, на танцы и всегда, когда возвращался, видел на балконе третьего этажа мою милую, любимую мамочку...

Она ждала меня всегда: из пио-

нерских лагерей, из походов, ждала в отпуск, из больницы, с рыбалки, охоты. А когда я уехал к новому месту службы от неё по окончании училища, ждала моих писем, перечитывала их по нескольку раз на день, перетягивала резинкой для волос и вздыхая аккуратно укладывала в верхний ящик письменного стола.

Так было всегда, а теперь этого уже не будет никогда. Она ушла навсегда из этой жизни далеко-далеко. Больше я не увижу её добрых нежных ласковых глаз, никто не дотронется тёплыми и такими нежными руками до вихра на моей макушке, никто не скажет: «Сынок, как у тебя дела? Ты уж себя там береги, одевайся потеплее и не забывай, пожалуйста, про шарф! Новые носки я тебе связала — береги ноги!»

Кстати о носках. Когда я ещё был совсем юным курсантом первого курса военного училища, она связала мне такие тёплые и пушистые носки, что их хотелось носить не на ногах, а на груди, гладить и нюхать, вдыхая запах маминых добрых ласковых рук. Я тогда здорово тосковал по дому, по маминым пирожкам, по горячей ванне

и прочим прелестям ещё не совсем забытым мною гражданской жизни. Хранил эти дорогие для моего сердца носки как можно ближе к сердцу, а ночью под подушкой, ощущая во сне рукой тепло, исходящее от шершавых, но таких нежных маминых рук.

Я знал, что петельку за петелькой, ночами под старым зелёным абажуром, это пушистое счастье создавали мамины пальцы, умеющие всё (во время войны без отдыха днём и ночью шить портупеи, протыкая жёсткую и крепкую кожу, могли держать карандаш и чертить ровные и тонкие линии, создавая чертежи в конструкторском бюро, могли умело щелкать костяшками, счёт подбивая, какойто баланс за последний квартал уходящего года).

Я как мог берёг носки, не только не надевал, но и прятал их от посторонних глаз (этот островок, капельку маминого тепла). Как говорится: «Счастье вечным не бывает» – и это правда! Прибежал с утренней зарядки, а на кроватях у каждого своё счастье: носовые платки, старые подворотнички, фотографии, комплект портянок... У меня пушистые носки... С каждого спрос за такой беспорядок – как правило один «наряд на работу».

Командир нашей роты капитан Макаров был строгим, но справедливым человеком, пережившим войну воспитанником в полковом оркестре. По окончании танкового училища и после продолжительных перемещений по различным гарнизонам нашей необъятной Родины зацепился в училище и занимался теперь воспитанием будущих командиров.

Меня не столько волновало то, что придётся отрабатывать про-

винность после отбоя, может быть даже не один день, как то, что носки могут изъять, а затем сжечь в училищной котельной.

Наши глаза встретились. Не знаю, что прочёл в моём взгляде ротный, но спросил: «Мамкины поди?» Слов у меня не нашлось. Только кивнул головой в ответ. Он улыбнулся и сказал: «Товарищ курсант! Сдайте свои вещи в каптёрку и храните в чемодане, а не под подушкой!». Повернулся и ушёл, так и не наказав меня. Кто знает, что повлияло на это решение.

Можно только догадываться. Может он вспомнил свою маму, потерявшуюся в пламени войны под бомбёжками где-то под Воронежем...

Свою милую мамочку в течение того злополучного года я хоронил трижды.

Свои болячки она носила в себе, никогда никому не показывала вида. Боль переносила стойко. Бывает, ойкнет, улыбнётся и скажет: «Как-то я неправильно повернулась!». И бежит дальше, принимается за какую-нибудь работу. Но всё чаще и чаще приступы боли повторялись, и поневоле пришлось лечь на обследование. И неутешительный диагноз – рак!

Долгие нудные процедуры одна за другой результатов не дали. Операция мучительная, болезненная, затем вторая...

В часть пришла от отца телеграмма: «Сынок! Срочно приезжай мама в тяжелом состоянии». Командир дал добро на очередной отпуск. Через двое суток дома. Еле узнал мою родную мамулечку. Сказать что похудела — ничего не сказать! Одна улыбка та же — тёплая ласковая Схватилась руками за мою ладошку и улыбается сквозь слёзы.

В больнице отцу сказали, что от силы дней десять протянет, не больше. Вторую неделю только воду пьёт. Но организм человека неизведан и непонятен.

И назло всем врачебным предположениям пошла моя мамулечка на поправку, выглядеть веселее стала. Появились откуда-то из души силы внутренние. Даже гулять с ней выходили по вечерам вокруг дома под ручку. И у меня на душе стало легче. Всё бы хорошо, да отпуск кончился.

Оторвался я от маминых объятий, подхватил чемодан, в поезд и...

Вот он дорогой любимый личный состав третьей танковой роты. Занятия, учения, наряды, выезд на окружной учебный центр, подводное вождение, стрельба штатным снарядом — закрутилось, завертелось всё в заботах...

А тут вторая телеграмма от отца... Отпустили в отпуск по семейным обстоятельствам. И всё повторяется как в прошлый раз. Только расставание на этот раз на всю жизнь запомнилось. Смотрит в глаза безотрывно, словно прощается, а слезы текут и текут. Целует, целует и повторяет: «Береги себя, сыночек! Одевайся потеплее! Вот полегчает, я тебе свяжу носочки! Ноги береги!».

Время пролетело незаметно, вот и декабрь. И снова телеграмма...

Билетов как назло на поезд не было (были такие времена, что поезда могли опаздывать на сутки, а то и больше).

Добирался на перекладных с электрички на электричку – где товарняком, где попутной машиной, но добрался.

Мама была без сознания, лежала худенькая и беззащитная.

«Всё ждала тебя, ждала да видно устала, притомилась — пусть поспит маленько, да и ты, сынок, приляг, а я посижу! Как проснется, разбужу обязательно!» — сказал отец. Так и не удалось нам с мамой заглянуть на прощание друг другу в глаза...

Сидел я на скамейке и никак не мог понять. Почему такая несправедливость? Солнце светит ярко, все радостные и весёлые, а её, самого дорогого, самого светлого для меня человека нет, и не будет никогда.

Вчера стоял у её могилы, мерзлая глина гулко стучала по крышке гроба, отдаваясь такой болью и тяжестью в душе! Словно камень лег тяжёлым грузом на сердце!

И надо бы плакать, да всё никак не плакалось. Как будто закрылись плотно какие-то двери внутри меня и ничем их теперь не раскрыть!

Сидел на скамейке, и от душевной несправедливости окружающего меня счастливого и яркого мира закрыл глаза, наивно думая, что так будет легче.

Кто-то потянул меня за рукав. Открыв глаза, я увидел перед собой маленькое курносое Чудо с серыми широко раскрытыми, чистыми, наивными глазами, одетое в яркую оранжевую шапочку.

Чудо стояло и улыбалось, раскрыло мой кулак и осторожно положило на мою ладонь маленький кусочек красного стёклышка.

Потом снова взяло его в руку двумя пальцами, посмотрело на солнышко, прищурив один глаз, улыбнулось, снова положило ко мне в ладонь и сказало: «Это тебе «тёплышко!» Погладило меня по руке, повернулось и со звонким смехом убежало.

Тепло, подаренное мне этим

то глубоко в душу, и слёзы сами собой потекли из глаз. Мне стало легче. Я неожиданно понял, что моя милая мама будет всегда рядом в душе, в моей памяти. Прошло более тридцати лет.

Маленькое Чудо, которое тогда помогло мне, наверняка, выросло и даже не помнит, что подарило

незнакомому дядьке кусочек тепла.

Но я-то это помню. Нет-нет, маленьким чудом, проникло кудаи выдвину верхний ящик письменного стола, подержу в руках маленький, красный кусочек стёклышка, и на душе сразу станет теплее. Возьму в руки и очередной раз пожелаю далекому Чудо-Теплушку, чтобы оно жило счастливо и весело и не жалело своего тепла для других...